

Автор серьезных повестей, написанных смешно (в этом номере "ВК" продолжает публикацию отрывков из повести Александра Курляндского; другие выходят буквально на днях. Это будет общая книга с Э.Успенским, и там одна общая повесть "Последний чемпион Земли", написанная под влиянием встреч с Г. Каспаровым (издательство "Вотум" + "Самовар"). Сценарист сериалов "Возвращение блудного попугая", "Великолепный Гоша", "В зоопарке ремонт", его фильмы брали престижные премии в Испании, Италии, Загребе. Но все бьет популярность Александра Курляндского как одного из авторов сериала "Ну, погоди!"

Век. клуб. - 1995 - 30 дек. - с. 3.

Александр КУРЛЯНДСКИЙ:

Иногда повесть надоедала мне. Я все бросал. И возвращался

— У славы есть свойство — вязнуть на ногах. Вам, Александр Ефимович, не мешала репутация одного из авторов "Ну, погоди!"?

— Когда-то я принес повесть "Моя бабушка — ведьма" в издательство "Детская литература", которое было весьма номенклатурным. Авторов "с улицы" там не любили, и, чтобы загробить мою повесть, отдали ее на отзыв в отдел сказок Института мировой литературы. Есть, оказывается, такой. И неожиданно я получил блестящий отзыв, содержащий и ответ на ваш вопрос. Звучало это приблизительно так: "Начинаешь читать повесть с некоторым предубеждением, поскольку автор широко известен как сценарист мультфильмов...", а дальше — масса комплиментов. Так что — да, прилипло. В издательствах ты как бы автор второго сорта, хотя и популярный среди детей. (Клоуны, футболисты — они ведь тоже не идут за светильниками разума). Хотя множество известных "серьезных" писателей приходили в мультипликацию и терпели провал. Потому что не понимали, что это особый жанр с особыми законами. Мультфильм не придумывается за пять минут. Его сочиняешь трюк за трюком, ведь более 10 тысяч рисунков уходит на девятиминутный фильм, и каждый рисунок надо прокрутить у себя во внутреннем кинотеатре, записать, как будто ты видел это на экране, а уж потом режиссер будет это ставить.

— Игра маленьких человечков, как у Булгакова в "Театральном романе"?

— Да, у меня в первую очередь зрительное восприятие, хотя есть другие писатели... Правильно, литераторы, потому что "писатель" — это член Союза писателей, такой номенклатурный человек.

— А что, у вас нет удостоверения члена СП?

— Нет, и никогда не хотелось иметь. Уж так меня жена заставляла, но не заставляла — я отстоял свое право не быть "писателем из Союза писателей". Поликлиника СП находится рядом с моим домом, и мне приходится страдать материально: платить большие деньги, хотя писатели не платят ничего. А жена всякий раз, когда приходится лезть в кошелек, говорит: вот, я тебя уговаривала вступить в СП... Никогда. У каждого человека должны быть принципы... Так вот, мы говорили о больших писателях, в смысле крупноформатных. Часто бывает, кто-нибудь из них расскажет сюжет, я говорю: замечательно. А он — так небрежно, свысока: "Дарю, сделай из этого мультик"...

— Каждому нормальному литератору своих сюжетов хватит на всю жизнь.

— Это во-первых. Во-вторых, не каждый сюжет может стать мультиком. И, в-третьих, сам тон: "Сделай мультик, я занят более серьезными делами..." Поди-ка попробуй — сделай мультик!

— Мне вообще кажется, что литература подразделяется по качеству, а не по низким и высоким жанрам.

Андерсеновская "Русалочка" — это же высочайшего звучания притча о любви. И вместе с тем — детская сказка.

— Конечно, плохих жанров нет. Для меня и частушка, и анекдот — жанры как таковые: подразделение на высокие и низкие неприемлемо. Каждому человеку свойственно быть в настроении веселом и грустном, философском и легком. Нельзя сказать, что это хуже, а это лучше, это низко, а это высоко. Это жизнь, а она бывает разная.

— Сейчас модно вспоминать о гонениях на себя. Поддайтесь соблазну.

— Был гонимым. Например, когда мы (мы — это Успенский, Хайт и я) сочиняли кремлевскую елку — такую же "шестидесятичную", когда что-то в Кремле позволялось, кроме крейсера "Аврора", мы вставили в сценарий пиратов, роботов. И вот ВЦСПСовское начальство, которое принимало елку, выдало нам возражение о пятидесяти пунктах. Один из пунктов был такой: "Дети любят шутку, смех".

— Надо полагать, вам открыли глаза?

— Ну да, мы ни о чем подобном и не подозревали... Во всяком случае елка состоялась и имела большой успех, дети писали на ковер. Кстати, знаете вы или нет, что после каждой елки ковер выносят сушить, потому что дети от радости не могут сдержаться?.. Так вот, когда у нас появлялся дракон, эта несдержанность была в утроенных масштабах... Следующая история из занятных — как закрыли "Ну, погоди!" Один из наших соавторов, Феликс Камов, уехал в Израиль. Тогда это расценивалось наравне с измной Родиной. И нас на вся-

кий случай закрыли. Папанов пошел в Кремль получить какое-то звание, наверное, народного артиста, и Подгорный, вручавший ему диплом, спросил неофициально: "А что у вас там с "Ну, погоди!"?" — "Не знаю, — говорит Папанов. — Кто-то там в Израиль уехал..." Подгорный наклонился к нему поближе и сказал: "Но там же еще много их осталось?!" И еще доверительнее добавил: "Учите, "Ну, погоди!" моим детям нравится. И моим товарищам тоже". Папанов рассказал на студии эту историю, все все поняли про товарища Подгорного, и нас срочно открыли.

А если продолжать тему запретов, то вот сейчас меня закрыли.

— ???

— У нас была "Студия 13", которая просуществовала 4 года, сделала две новые серии "Ну, погоди!", один фильм по американскому заказу. И перестала существовать. Нет денег. У нас деньги, вложенные в кино, как правило, не возвращаются. Нет системы возврата этих денег: системы проката и так далее.

— Но вы же делаете короткие мультяшки, они дешевые.

— Десятиминутка не окупается никогда. Чтобы фильм оправдал себя, он должен быть полнометражным. А в полнометражный мультфильм надо вложить еще больше, чем в игровую. На Западе коммерческая мультипликация — как бы первая ступень ракеты. Там не существует фильмов меньше, чем 13-серийных, потом 60-серийные... Как "Черепашки ниндзя", а за ними идут следующие ступени ракеты: Ниндзя-жвачка, Ниндзя-игрушки, Ниндзя-майки... Компаний сто приобрели право использовать

эти персонажи. Вот откуда деньги. Либо, как делает диснеевская студия, — гигантские деньги на рекламу, которая внедряет в сознание эту мультипликацию — кстати, к "Красавице и Чудовищу" у меня претензий нет, это не черепашки, а замечательная ручная работа. Если вы заметили, в коммерческих мультфильмах типа "Черепашек" первый план еще движется, а фон стоит, это неодушевленная мультипликация. Ведь "анимация" — другое название мультипликации — в переводе "одушевление". А у них идет как бы оживший комикс, экономят на всем: на количестве рисунков в кадре, на поле изображения. Там герои из фильма в фильм совершают одни и те же движения на разном фоне. "Черепашек" сделали около 120 серий. В Южной Корее, там труд, дешевый: сидят корейцы, раскрашивают кисточками... Лепить, лепить, внедрять в сознание — тогда мультфильм становится прибыльным.

— А я думал, это компьютерные мультики.

— Нет, рисованные, хотя уже сделан первый компьютерный полнометражный мультфильм. Пока что мультипликация — ручная работа...

— Не понимаю причин успеха "Черепашек".

— И я не понимаю, хотя многие в Америке пытались мне объяснить. В общем, там победителей не судят... У меня есть несколько проектов, как модно сейчас говорить, которые все хвалят, но денег не дают. Потому что существуют понятия "быстрые деньги" и "длинные деньги"; я "быстрых денег" обещать не могу. Это вполне коммерческие проекты с использованием моих персонажей, всем известных и новых, с изданием видеокас-

Клубные встречи

сет и переводом на компьютерные диски, с выходом на образовательные программы. Единственное, чего там не будет в сравнении с "Черепашками", — глупости и пошлости. Но это "длинные деньги". Скорой отдачи добиться невозможно, и потому никто не хочет вкладывать капитал. Давайте больше не будем о мультипликации.

— Договорились. Вы, кажется, как-то долго и неожиданно служили в армии?

— Закончив МИСИ, я уже имел литературные планы на будущее. И вдруг — военкомат, медкомиссия, повестка, и я узнаю, что я лейтенант и призываюсь не на три года, а на всю жизнь. Был хрущевский призыв перед Карибским кризисом — не хватало инженеров, чтобы строить ракетные площадки. Это было для нас крушение всего. Молодые лейтенантики, как и я, с поломанной жизнью, всерьез обсуждали: что, если избить начальника части — отсидишь, но ведь потом выйдешь свободным человеком. Спасло только сокращение армии после кубинского кризиса. Но сейчас я об этом периоде не жалею. Столько впечатлений!

— В каком возрасте вы перестали верить в светлое будущее?

— В какое именно?

— Ну хотя бы в то, которое описано у Стругацких. У них там очень здорово — в XXII веке, и никакой "руководящей роли партии". В этом, по моему, каждый разуверивался еще в школьном возрасте. Но слово "коммунар" у них есть, и властвуют добрые ученые. Я так долго верил...

— В светлое будущее, связанное с социализмом, коммунизмом, я не верил, наверное, никогда. Ну, может быть, в глубоком детстве — Сталин наш отец и так далее. Пионером был.

— И хотели быть?

— Да. И в комсомоле хотел быть и был. А партии не был и не хотел.

— То есть перелом настал лет в семнадцать?

— Да... Уже когда я стал что-то соображать и что-то писать, мне казалось, что происходящее у нас ужасно, это ложь, идиотизм, и на восприятии советского идиотизма построены все мои ранние произведения, от капутников до первых рассказов. Но сама идея представлялась мне правильной. Ленин — хороший. Как Шатров говорил по телевизору: извратили завещание Ленина, пришли плохие, не в ту сторону повернули! — если бы не Сталин, а Бухарин... Эта идея у меня разрушилась не так давно — лет десять назад. И все-таки думаю, что идея гуманизма — не буду говорить "социализма", "коммунизма" — воплотится когда-нибудь.

— Почему вы вдруг написали политический триллер — мода?

— Это, знаете, как в чайнике пар накапливается, и нужен выход, чтобы не взорваться. Там у меня в предисловии сказано, что события вымышленные, автор руководствовался не реальной жизнью, а чтением газет и журналов.

— Каковы от реальной жизни далеки... Большое журналистское спасибо.

— Ну я в самом деле не знаю, как выглядит кабинет, в котором сидит мой президент Николай Борисович Елкин. Это не документальная проза, но некую политическую модель я продумал и в доступной мне форме сделал. Это было безумно сложно и интересно: и детективный жанр, и комическое, и плюс к тому некая идея, которую я выстраивал, и драматургия характеров... Иногда надоедало до тошноты, я все бросал. А потом возвращался. Это мое отношение к тому, что происходит. А как получилось — не мне судить.

Беседовал
Евгений НЕКРАСОВ.
Фото
Игоря ИВАНДИКОВА.

